

Какъ и въ прежнія ночи, проведенныя въ пустынѣ, я не хотѣлъ спать въ палаткѣ, а предпочелъ лечь подъ покровомъ голубого неба, вдыхая бальзамическій ночной воздухъ пустыни. Подложивъ толстое одѣяло въ углубленіе въ песокъ, а свою походную сумку подъ голову, и прикрывшись простынею, я улегся рядомъ съ Ахмедомъ и Юзою, уже давно спавшими богатырскимъ сномъ въ ожиданіи своей очереди. Событія послѣднихъ дней прошли длинною вереницею въ моемъ воображеніи, невольно я перебиралъ ихъ по одиночкѣ, какъ бы стараясь запомнить хорошенько. Переходъ черезъ пустыню въ 40⁰ жары, хорошій отдыхъ въ Акабѣ послѣ перенесенныхъ страданій въ глубинѣ Синайскаго полуострова и на берегахъ Краснаго моря, встрѣча съ паломниками и антропологическія наблюденія надъ арабами на пути—вотъ въ общемъ все, чѣмъ наполненъ былъ мой дневникъ за послѣднее время. Хотя я и давно ожидалъ встрѣтить паломниковъ Мекки, и хотѣлъ, если возможно, провести съ ними нѣсколько часовъ, но все-таки я никогда и не думалъ, чтобы можно было такъ близко сойтись съ мусульманскими фанатиками—хаджами, и встрѣтить среди ихъ два такихъ различныхъ типа, какъ Абдъ-Алла и нашъ Букчівъ.

Оба они отличались другъ отъ друга, какъ небо отъ земли, и оба вмѣстѣ съ тѣмъ они сходились между собою, если не по наружному, то по внутреннему содержанию. Ихъ рассказы для меня были полны такого захватывающаго интереса, что я едва успѣвалъ записывать ихъ въ свою дорожную книжку. Сцена, происшедшая съ суевѣрными паломниками при крикѣ худхуда и воѣ гіены, отчасти видѣнная мною въ Феранѣ и Буддра, скоро улетучилась въ моихъ воспоминаніяхъ, уступивъ мѣсто мысли о встрѣчѣ съ грозною эпидеміею, о которой я доселѣ зналъ только по наслышкѣ; она показалась мнѣ центромъ событій моихъ послѣднихъ дней, группировавшихся вокругъ нея, какъ группируются факты обыденной жизни около событія, составляющаго эру. Снова защемило и сжалось успокоившееся было сердце, какъ бы въ предчувствіи грозящаго несчастія; снова ничѣмъ инымъ какъ мыслью о ней—страшной гостьѣ—наполнилось все мое существованіе... Голова, уставшая уже мыслить логично, стала создавать грозные образы, страшныя видѣнія... Мнѣ казалось тогда, что я увидѣлъ воочию ужасную гостью, бичъ челоуѣчества, который съ этимъ караваномъ идетъ въ Египетъ, чтобы оттуда пробраться въ Европу. Грозный призракъ неумолимаго врага всталъ во всемъ всеоружіи своего потрясающаго облика, своей беспощадной жестокости въ моемъ вообра-